

Joanna Korzeniewska-Berczyńska

Мир суждений о былом и настоящем интеллигенции в русском и польском этносах

Acta Polono-Ruthenica 8, 187-197

2003

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

I. Polsko-wschodniosłowiańskie powinowactwa językowe

Joanna Korzeniewska-Berczyńska
Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej
Uniwersytet Warmińsko-Mazurski

Мир суждений о былом и настоящем интеллигенции в русском и польском этносах

История русской культуры и философской мысли неразрывно связана с интеллигенцией, неудивительно, что „семантическое поле интеллигентности” принадлежит к ключевым записям современной культуры. В польском этносе концепты „интеллигенция – интеллигент” тоже нельзя обойти вниманием.

Сравнительный анализ изначально способствует выявлению канонических особенностей этого феномена в каждой из культур, а также некоторых исторически обусловленных сходств и различий.

Дефиниции и генезис явления

Согласно мнению большинства исследователей „интеллигенция” истинно русское общественное явление – это „социально оформленная часть общества, взявшая на себя »миссию« [...] выразителя и »формирователя« сознания нации”¹.

Социальной основой русской интеллигенции (шестидесятые годы XIX в.) является дворянство и разночинцы, люди с радикальным мировоззрением „... с трудом получив образование, они находились в полной и унижительной зависимости [...] от любого чиновника”².

---

¹ Ю.С. Степанов, *Словарь русской культуры. Опыт исследования*, Москва 1997, с. 617.

² А. Яковлев, *Предисловие. Обвал. Послесловие*, Москва 1992, с. 120.

Видимо в связи с общественными ожиданиями революции как панацея на все недуги, вызванные царским властвованием, в то время концепт „создающий ход истории и государственности, берущий на себя ответственность за такое осознание [...] интеллигенция в сознании русского общества понимался [...] как класс”³. Лакмусовой бумагой, выявляющей равно нравственный уровень, как и социополитические взгляды интеллигенции стала революция 1905-1907. В сборнике *Vexi* они поддаются однозначной и справедливой критике знаменитых мыслителей, например Струве называет их „безрелигиозными отщепенцами от государства”⁴. Н. Бердяев заявляет: „С русской интеллигенцией случилось вот какого рода несчастье: любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу [...] почти уничтожила любовь к истине [...], да сгниет истина, если от ее гибели народу будет лучше житься”⁵.

Согласно распространенному мнению, исключительный характер русской интеллигенции конца XIX и начала XX в. выражен фактом, что для членов этой социальной группы необходимостью считается „[...] соблюдение определенного неписанного нравственного кодекса [...], голодающий, опустившийся человек мог считаться интеллигентом, но это было исключено для царского министра или генерала”⁶.

Генезис польского явления несколько отличается, интеллигенция как социальная группа формируется в результате исторического катаклизма – разборов Польши: „W dziewiętnastym wieku wykształciła się warstwa [...], która wedle prestiżu i wpływów na świadomość zbiorową zajęła miejsce poczesne [...] obok prestiżu, jaki nadal budziły herby i pieniądze, pojawia się inna skala jego mierzenia – nie ci, którzy posiadają i wydają, ale ci, którzy pracują i swoją pracą służą innym godni są prawdziwego szacunku”. Если русская интеллигенция сыграла существенную разрушительную роль во время революции 1905–1907,

---

³ Ю.С. Степанов, *op. cit.*, с. 620.

⁴ П.Б. Струве, *Интеллигенция и революция*, [в:] *Vexi. Интеллигенция в России. Сборник статей 1909-1910*, Москва 1991, с. 139.

⁵ Н. Бердяев, *Философская истина и интеллигентская правда*, [в:] *ibidem*, с. 31.

⁶ Т. Пшебинда, *В поисках русской интеллигенции*, „Новая Польша” 2001, № 4, с. 23.

то для поляков „[...] historia dziewiętnastego i początku dwudziestego wieku stała się historią inteligencji – jej powstania, jej idei, jej pracy”⁷.

Яркие различия между обоими этносами связаны для Польши со временем после I Мировой войны, когда нам была возвращена независимость. Как правильно считает Стемпковский, „строительство собственного государства в трудных послевоенных условиях почти полностью втянуло довоенную интеллигенцию, которая сменила свою пассивность [...] на вполне прагматическую жизненную позицию”⁸. Напомним хотя бы факт, что в результате органического труда интеллигенции безграмотность на окраинах II Речпосполитой с 33% в 1921 г. снизилась до 18% в 1937 г. Не трудно заметить, что в названное время миссия польской интеллигенции была тесным образом связана с созиданием, русским же интеллигентам история продиктовала совершенно иной сценарий. (Впрочем, немножко иначе сложились социальные отношения под австрийским и прусским владычеством, но это не является предметом заинтересованности в данном тексте). Следует добавить, что именно связь с народом давала интеллигенции ощущение миссии: „... pchanie Polski ku nowoczesności i wyzwoleniu, czego bez oświeconego ludu nie sposób było dokonać”⁹.

Позиции равно русской, как и польской интеллигенции были относительно константными, существенные изменения мы наблюдаем в связи с экстремальными событиями, т.е., Октябрьской революцией, а для поляков – с коммунистическим миропорядком, насаждаемом после II Мировой войны.

Интеллигенция советская и интеллигенция Польской Народной Республики

Вполне понятно, что глобальные катастрофы, в том числе – социополитические, приводят к разнообразным личностным и групповым драмам. После „землетрясения” 1917 г. русская интеллигенция с одной стороны не вписывалась в дикий, совершенно новый жизненный уклад, с другой – так или иначе молодому государству

---

⁷ Т. Вогуска, *Miejsce na górze*, „Gazeta Wyborcza”, 10-11 marzec 2001, s. 12; В.Ф. Блохин (ред.), *История Отечества в терминах и понятиях. Словарь-справочник. Даты, события, факты...*, Москва 1999; *Вехи, Интеллигенция в России...*

⁸ Е. Стемпковский, *Польская интеллигенция и ее судьба*, „Новая Польша”, № 4, с. 24-29.

⁹ Т. Вогуска, *op. cit.*, s. 12.

нужны были не только спецы, но и прослойка тех, кто создавал бы духовную базу коммунистической идеологии. В 1922 г. ушел „анти-интеллигентский философский пароход”, но „не ушла” потребность в моральной поддержке попутчиков: „трудовая интеллигенция”, „гнилая интеллигенция”, „советская интеллигенция”, „интеллигенция как служанка революции”, „строить интеллигенцию по классовому принципу” – вот лишь некоторые номинации и лозунги того времени. Ирония истории выражается, пожалуй в том, что „Искусственно выращиваемая »советская интеллигенция« во многом воспроизводила основные черты дореволюционной русской интеллигенции [...]. Страшное испытание ГУЛАГом предельно сблизило опыт »простого народа« и интеллигенции, привело к уникальному в мировой истории »слиянию опыта« верхних и нижних слоев общества”¹⁰. Неудивительно, что в польском, т.е. инокультурном восприятии советская интеллигенция (кроме ярких интеллектуалов) иногда ни по внешности, ни по образу жизни не отличалась от „простых смертных”.

Здесь нормой был вынужденный статус „двойного сознания”: „Советский интеллигент новой эпохи заигрывал с властью, избегая при этом прямого участия в зле, что особенно ярко проявилось у шестидесятников, мечтающих о »социализме с человеческим лицом«”¹¹. Демифологизации интеллигенции посвящается довольно много внимания в перестроечной публицистике, например: „Новое поколение интеллигентов, отштампованных по матрицам идеологических органов, как лучше приспособленных для производства и потребления культурного ширпотреба, получившего название »социалистического реализма«”¹².

Необходимо отметить, что существовали ведь, и сегодня возведены в ранг символов „интеллигентски-диссидентские кухни поколения дворников и сторожей”, т.е. – бедствующих, но духовно независимых. В перестроечные годы тотального низвержения парадигмы советскости обособляется самый большой грех советской интеллигенции: „нравственная пугливость, душевный пуризм, в котором благородная »отфильтрованность« эмоций через »высокое« и нежелание идти на компромиссы, смешалось с ханжеским неже-

---

¹⁰ Т. Пшебинда, *op. cit.*, с. 22.

¹¹ *Ibidem*.

¹² „Огонек” 1990, № 50, с. 19.

лением запачкаться о «злобу дня». Отсюда незнание и нежелание знать реальную жизнь вокруг, этический инфантилизм»¹³.

В ПНР первый, т.н. сталинский период, был самым сложным, тотальная идеологизация стала шоком для большинства свободолобивой и патриотической польской интеллигенции, хотя уже тогда намечалось расщепление поведенческих норм: нежелание участвовать, стихийная попытка довоенной „левой” интеллигенции способствовать процессу восстановления „социальной справедливости”, приспособленческие позиции тех, кто готов „за корыто” служить любому богу, а такому „этическому многоцветью” способствовали обязательные идеологические установки: „władza PRL pragnęła wychować nowego socjalistycznego człowieka przywiązywała wielką wagę do wszystkiego, co oddziaływało na świadomość [...]. Partia komunistyczna zmierzała do utopienia inteligenckiej tradycji w masie inteligencji o rodowodzie ludowym”¹⁴. После смерти Сталина в Польше чувствуются весенние веяния, предвещающие Хрущевскую оттепель. В 1965 г. создан дискуссионно-политический Klub Krzywego Koła, к которому принадлежали „ludzie o wyraźnej lewicowej orientacji, wielkie nazwiska nauki i kultury polskiej [...], był to jedyny oficjalnie działający bastion wolnej myśli pomiędzy Łabą a Pacyfikiem” („Przegląd” 9 kwietnia 2001). Примерно в то же время организуется Klub Inteligencji Katolickiej (KIK).

Интеллигенция еще сильнее воспряла душой в семидесятые „герковские” (тоже оттепельные) годы, когда интенсифицируется обмен мнениями между светской и католической интеллигенцией. Существенным стимулом для подлинного диалога становится появление книги В. Сувиńskiego *Rodowody niepokonanych*. Хотя при анализе этоса польской интеллигенции не замечается на первый взгляд прямое влияние русской поведенческой модели, то А. Walicki считает: „Inteligencka opozycja lat siedemdziesiątych wybrała model misji intelektualnej charakterystyczny dla tradycji rosyjskiej [...] jako elity poświęcenia, obowiązku, której prawdziwą misją jest przewodzenie tym, którzy dążą do emancypacji społecznej, narodowej bądź narodowo-społecznej. Jest to przywódcza elita czynu, a także elita moralna”¹⁵.

---

¹³ Н. Шантырь, *Оттого, что в кузнице не было гвоздя*, „Юность” 1998, № 4, с. 27.

¹⁴ Т. Богучка, *op. cit.*

¹⁵ А. Walicki, *Polskie zmagania z wolnością*, Kraków 2000, s. 69.

Интеллигентский этос, интеллигентский образ жизни были существенными для людей, обладающих пассией, лиц с интеллектуальными запросами, тем более, что это заодно освобождало от обязанности делать карьеру. Парадоксальным образом ПНР поспособствовала популяризации таких именно жизненных установок. Однако интеллигенция тех лет далеко не монолитное образование; это те, кто поет осанну социализму, это приспособленцы, более или менее явные оппозиционеры, и наконец, внутренние эмигранты.

Польско-польский диалог культур, развивающийся между левой, атеистической и католической инеллигенцией, подготовил во многом этап восьмидесятых, сугубо польских лет „Солидарности”. Об интеллигентском этосе тех лет, точнее – об ожидаемом, мы можем узнать, изучая содержание прекрасной культовой книги J. Tischnera *Etyka Solidarności*. Автор представляет здесь традицию польской интеллигенции, обособляя самое главное для человка в дни испытаний: „Mamy wiele systemów etycznych, ale sumienie jest jedno [...], ono stanowi w człowieku rzeczywistą samodzielność, jest głosem, który woła wewnątrz człowieka”. Кроме того: „Nasza solidarność jest przede wszystkim dla tych, których poranili inni ludzie, i którzy cierpią cierpieniem możliwym do uniknięcia, przypadkowym i niepotrzebnym”¹⁶.

Впрочем, идеи массового движения „Солидарности” тех лет поспособствовали поляризации жизненных установок интеллигенции, т.е. или полную приверженность или отторжение проповедуемого „облачившимися в незамаренные белые одежды”.

„Крутой маршрут” интеллигенции в абсолютно обновленное антисоциалистическое время

Землестрясение – это, в первую очередь, – разруха, а следовательно, вселенский духовный хаос и вопрос о том, как находить себя в подобной ситуации. Казалось бы, что интеллигенция как цвет нации должна найти ответ в первую очередь, а далее, подобно легендарному Данко, прокладывать путь загубленным и обездоленным.

Исходя из общих суждений о духовном коллапсе части русской интеллигенции целесообразно однако отметить, что в современной периодике превалируют негативно-агрессивные оценки типа: „свобода безответственность”, „предательство высоких идеалов народа” [!? – И.К.-Б.]; „исторический примитивизм и классовость мышления”.

---

¹⁶ J. Tischner, *Etyka „Solidarności”*, Warszawa 1989, s. 12-13.

И еще экспрессивнее: „успеть приложиться к графину из барского буфета” (о либерально-демократической интеллигенции), „апеллировать к законам цивилизованного общества” (о праздном снобизме); „придворный волюнтаризм на привязи” (о „кремлевской семье” Бориса Николаевича); „путь провокаторства и подстрекательства” (о поведении столичной интеллигенции в кровавые октябрьские дни 1993 года); „чудеса подбострастия столичной интеллигенции” (о типичных нормах поведения); „безответственность и безнравственность т.н. творческой интеллигенции”.

Немногочисленные высказывания с позиции „мы” (а не пренебрежительное, отмежевающееся „они”) заключают в себе непредвзятую, достоверную информацию не только о нравственных и духовных проблемах интеллигентов, но и о присутствии в их рядах тех, кому чуждо самомнение, чья мыслительная и эмоциональная энергия направлены на то, чтобы не только „понять непонятое”, но и найти свою нишу в новых социополитических условиях. Это голоса чутких и соvestливых, ранимых жестокостью времени, не готовых соглашаться на любую подлость. Перейдем к примерам: „Мы ежедневно нарушаем законы добра и любви. Мы никак не хотим понять, что люди разные. И такими разными должны жить вместе, не уничтожая, не преследуя друг друга, не перековывая, не обращая в новую веру”, (М. Мамардашвили, „Литературная газета”, 10 октября 1992). И немножко иначе: „Мы оказались в сюрреалистическом мире, с легкостью сделавшим с нами то, что не могли сделать десятилетия битья по рукам, по мозгам и по морде. Хваленая русская интеллигенция [...] пала перед инфляцией. Мы устали бороться. Мы думали, что хотим чувствовать себя людьми. Оказалось, что мы хотим лишь выжить” („Московские новости” 7 ноября 1993).

Здесь налицо духовные трагедии чутких и мыслящих, у которых отнимают не только последнюю шинель, они страдают еще, и прежде всего от соvestливости, от ранимости, от продолжительного разлада с действительностью. Я бы согласилась, что „сегодня быть интеллигентом в России не достоинство, а несчастье” (В. Астафьев, „Литературная газета”, 10 апреля 1996). В условиях смутного времени измена нравственным принципам становится нередко соблазном, против которого нет медикаментов, ибо человек поставлен в положение „выбора без выбора”.

Сопоставляя каталог ожидаемых или просто требуемых от интеллигентов добродетелей с едкими филиппиками-обвинениями во

всех кардинальных грехах, мы получаем как бы два социальных пространства с противоположными нравственными знаками. Одно из них заселено мифическими, бесплотными индивидами, такими светлыми ангелами, которые согласно общественным запросам „изящны в слове, строгие в нравственности, твердые в свободолюбии” („Независимая газета”, 23 января 1994). Это идеал, который выражен сугубо адекватно словами М. Мамардашвили: „хранители совести, форма всеобщего чувствилища”. Во втором пространстве обитают „реальные интеллигенты”, люди поражены миазмами безвременья, мечущиеся в поисках своей ниши, не умеющие приспособливаться, но и конформисты, жаждущие не только пережить, но и заявить о себе любой ценой. Они очень далеки „поколению богатырей выкованных из чистой стали”, о которых так внушительно говорит Лотман. Однако они в то же время все меньше напоминают страдающие революционной идеей „железные батальоны советской интеллигенции”. Перед нами сонмы „новых лишенцев” которые стремятся самостоятельно найти свою Итаку в годы авторитарного властвования „денежного мешка”, предопределяющего иерархию ценностей.

В польской действительности споры о статусе интеллигенции продолжаются уже свыше десяти лет, ибо после переломного 1989 г. наблюдается расслоение: „Wyłoniła się grupa profesjonalistów (ekonomistów, prawników, polityków itp.), która stała się beneficjentem wolnego rynku. Na przeciwległym biegunie znalazła się tzw. inteligencja budżetowa (lekarze, nauczyciele, pracownicy wyższych uczelni itp.) ofiary reform”. Существует мнение, что в Польше о принадлежности к интеллигенции не решает ни профессия, ни образование, но „określona postawa [...], postawa służby, pewien sposób pojmowania polskości, tradycji, hierarchii spraw w życiu publicznym i prywatnym”¹⁷. Сказанное находится в протворечии к стереотипу об образованности как опознавательном знаке польской интеллигенции. Статус польской интеллигенции тоже незавиден, ибо она „jest spychana na bok, sprauperyzowana, zbyt biedna, by tworzyć popyt na wyższą kulturę; widać, że słowo »inteligencja« jest tak naładowane treścią tyżącą posłannictwa, wartości, sposobu życia. że nie daje się zastosować do

---

¹⁷ J. Gowin, *Inteligencji żywot pośmiertny*, „Rzeczpospolita”, 3-4 marzec 2001; В.В. Ильин, *Понятие власти*, [в:] *Философия власти*, ред. В.В. Ильин, Москва 1989, с. 6-24.

prężnej i zwycięskiej kategorii społeczeństwa”¹⁸. Автор имеет в виду процесс, который называется „wyścig szczurów”, а „białe kołnierzyki” – собирательное имя молодых, которые принимают участие в беге к деньгам-карьере, заодно подвергаясь полной а alienации, как правило слепых и глухих по отношению к нищете и прочим социальным недугам. Это новая категория, „профессио-нальные интеллигенты”, для которых нормой является отсутствие не только времени, но и заинтересованности культурой. У польской интеллигенции наших дней (если она вообще существует как социальная группа) нет особой миссии. Поражающе стремительно распалась ценностная система, профессиональный этос: „strajkujący lekarze odmawiają pomocy, nauczyciele dają stopnie za korepetycje, adwokaci i sędziowie kumplują się z gangsterami. Łapówkarstwo jest wszędzie [...]. Co jak co, ale inteligentowi nie godzi się mówić, że nie można być uczciwym i przyzwoitym bez stosownych dochodów”¹⁹.

Мы считаем, что можно и надо, но в мире, где господствуют деньги – это очень сложно. Кроме того, „uczciwość” и „przyzwoitość” не единственные критерии принадлежности к интеллигенции. Если мы ограничимся ими, то достигнем уровня американского общества, в котором 5-6% интеллектуалов мирового класса и несколько десятков процентов тех, чьи интеллектуальные запросы ограничиваются спортивным зрелищем и телепередачей для „умственно недоразвитых”. Нужна ли интеллигенция в подлинном смысле этого слова? Т. Bogucka в своем социологическом эссе утверждает: „Mówi się, że aczkolwiek takie funkcje inteligencji, jakie tworzyły zabory i zniewolenie dobiegły końca, to inne pozostały: opisywanie i objaśnianie rzeczywistości, tworzenie idei, kultury i wartości – to wszystko jest niezbędne każdemu społeczeństwu”²⁰.

Со сказанным трудно не согласиться, особенно на уровне теоретических рассуждений. В реальности пожилая и бюджетная интеллигенция все хуже слышима, а вместе с тем генетическая интеллигенция то ли по внутренней необходимости, то ли в результате отсутствия выбора, пытается продолжить свой образ жизни и свой этос: „W nowym modelu życia widzę zaprzaństwo, czyli gonienie za zarobkiem i karierą. Egoizm w miejsce powinności. Zdecydowana większość

¹⁸ A. Wasilewski, *Oszolomstwo i realizm*, Warszawa 1995, s. 11.

¹⁹ T. Bogucka, op. cit.

²⁰ Ibidem.

ludzi wykształconych porzuciła intelektualną kondycję lub nie ma czasu, by ją kontynuować”²¹.

На основе литературы по теме, а также собственных поисков можно обосновать мнение, что сегодня термин „интеллигенция” имеет то ли фантомный, то ли просто неопределенный четко характер: „Интеллигенция в Polsce współczesnej staje się klasą ginącą, wtapia się w warstwę średnią” („Polityka”, 16 maj 1998).

Современная кондиция интеллигенции в русском и польском социумах, в основном, не отличается. Она перестала быть не только классом, но и прослойкой. Физически интеллигенция есть, и одновременно ее нет, она расщепилась на интеллигентов, которые впутались в политику, на тех, кто вошел в бизнес, следуя девизу времени: „обогащайтесь любой ценой!” Интеллигенты перевоплотились также в „культурнонетребовательных” профессионалов. В традиционном ценностном мире обитает в основном старшее поколение, не желая, а отчасти – не имея возможности менять свой духовно-бессеребряный социальный статус.

Светлое прошлое и туманное будущее – вот пространство, в котором обитают сегодня интеллигенты. Наш мир становится все более сложным, а борьба за место под солнцем возбуждает неизменные инстинкты. Социополитические трансформации в обоих социумах подтверждают неделимую, тотальную власть денег. Вполне возможно, что перед нами перспектива, согласно которой единственными очагами независимого духа станут, как на Западе, лишь университеты.

Streszczenie

Świat sądów o przeszłości i dniu dzisiejszym inteligencji w rosyjskim i polskim etnosie

Historia kultury rosyjskiej jest nierozdzielnie związana z inteligencją, co znajduje odzwierciedlenie i we współczesnym dyskursie publicznym. Zarówno definicja, jak i geneza zjawiska dostarczają interesujących uzasadnień takiego stanu rzeczy. Papierkiem lakmusowym, który określił zarówno poziom etyczny, jak i poglądy społeczno-polityczne inteligencji, stała się rewolucja lat 1905-

---

²¹ Ibidem.

-1907, a w głośnym zbiorze artykułów *Drogowskazy* poddano ją sprawiedliwej i druzgocącej krytyce.

Geneza analogicznej polskiej warstwy społecznej wskazuje, że powstała ona w wyniku kataklizmu historycznego, a historia dziewiętnastego i początku dwudziestego wieku to historia inteligencji – jej powstania, jej idei, jej pracy.

W Rosji kolejne metamorfozy następują i po roku 1917, a w Polsce po II wojnie światowej. Normą staje się „podwójna moralność”; inteligent umizguje się do władzy, starając się unikać bezpośredniego udziału w czynieniu zła.

Zgodnie ze świadectwem publicystów, w czasach pierestrojki obnażony został śmiertelny grzech inteligencji radzieckiej, czyli tchórzostwo; niezdolność do kompromisów idzie w parze z obłudnym dążeniem do zachowania przyzwoitości mimo wszystko i wbrew wszystkiemu. W Polsce Ludowej sytuacja jest również skomplikowana, bowiem miłująca wolność i niezależność polska inteligencja znajduje się niejednokrotnie na rozdrożu, zmuszana do trudnych wyborów między karierą lub chociażby możliwością pracy a szalenie niebezpiecznym brakiem akceptacji „nowego świata”. Część wykształconych ludzi ulega zauroczeniu hasłami sprawiedliwości społecznej, równości itp. Diametralnie zmienia się sytuacja „po odwilży”, co nie znaczy, ażeby świadomość inteligencji nie ulegała permanentnym wahaniom. Polsko-polski dialog kultur między inteligencją katolicką i ateistyczną w zasadzie legł u podstaw niezapomnianych wydarzeń lat osiemdziesiątych XX wieku, które paradoksalnie określiły niepewny status inteligencji w rzeczywistości lat dziewięćdziesiątych (i później).

We współczesnej rosyjskiej publicystyce społecznej w czasach „po pierestrojce” przeważają oceny wielce krytyczne, nieodosobniony jest pogląd, że inteligencja odegrała już swoją rolę i, jako grupa nikomu niepotrzebna w świecie rządzonym przez pieniądź, powinna zejść ze sceny.

Zatem współczesna kondycja inteligencji w obydwu społeczeństwach w zasadzie nie różni się. Świetlana przeszłość i niejasna przyszłość wyznaczają granice funkcjonowania tej warstwy. Można domniemywać, że w perspektywie jedynymi ogniskami niezależnego ducha staną się, podobnie jak na Zachodzie, wyłączone uniwersytety.